

ф. Лассаль.

О сущности конституціи.

Переводъ съ нѣмецкаго К. Чекеруль-Куша.

Съ предисловіемъ Эд. Бернштейна.

Изданіе книжнаго магазина
С. И. Иванова и К^о
Кіевъ, Фундуклеевская ул., № 2.

Дозволено Цензурою. Одесса 3 іюня 1905 года.

К І Е В Ъ.
Типографія Петра Барскаго, Крещатикъ, собств. домъ № 40.
1905.

Предисловіе.

Начавшаяся съ регентствомъ принца Вильгельма, вполсѣдствіи короля Еильгельма I-го „новая эра“ въ концѣ 1860 года злостно обанкротилась. Принцъ регентъ оказался непомѣрно уступчивымъ по отношенію къ партіи юнкеровъ, задававшей тонъ въ палатѣ господъ, а въ итальянскомъ вопросѣ онъ неожиданно подчеркнул легитимистскій принципъ съ опредѣленностью, окончательно разсѣвшей всякія иллюзіи относительно его „либерализма“. Однако, ни малодушное большинство палаты, ни само правительство не рѣшались довести дѣло до открытаго разрыва. Тѣмъ не менѣе въ палатѣ откололась отъ старо-либеральной партіи фракція „Sung Zothauen“ съ нѣскольکو болѣе радикальной программой и лѣтомъ 1861 года образовавшая изъ себя „нѣмецкую прогрессистскую партію“ распространившуюся по всей странѣ. Вліяніе ея значитительно усилилось, когда въ октябрѣ 1861 года, уже ставшій въ это время королемъ, Вильгельмъ демонстративно подчеркнул, что династіи Гогенцолерновъ царствуютъ „Божіей милостью“. Депутаціи отъ ландтага онъ сказалъ слѣдующее: „Повелители Пруссіи получаютъ свою корону отъ Бога. Поэтому, завтра я возьму корону съ Престола Господня и возложу ее на свою голову. Вотъ, что значитъ царствовать „Божьей милостью“, вотъ въ

чемъ святость короны: она неприкосновенна. Корону окружають теперь новыя учрежденія. Призваніе ихъ служить совѣтами королю; я буду прислушиваться къ ихъ совѣтамъ". Это было не двусмысленное отклоненіе всѣхъ обнаруженныхъ въ то время притязаній палаты оказывать руководящее вліяніе на управленіе страной; это было фактически отрицаніемъ конституціи, такъ какъ послѣдняя давала Прусскому парламенту нѣсколько болѣе правъ, чѣмъ только „подавать совѣты“ королю. Въ отвѣтъ на это избиратели, во время новыхъ выборовъ 6-го декабря 1861 г., послали въ палату такое число депутатовъ прогрессивной партіи, что послѣдняя сразу сдѣлалась тамъ преобладающей. Одинъ моментъ правительство еще колебалось. Министры пытались вести переговоры; но когда 6 марта 1862 г. палата приняла резолюцію, согласно которой правительство обязано было представлять ей болѣе подробную роспись государственныхъ расходовъ, произошелъ открытый разрывъ. Министры подали въ отставку и король распустилъ палату. Новое министерство, усиленное представителями реакціонныхъ—юнкерской и клерикальной партій—Липпе, Мюллеромъ и Итцеплицемъ, было образовано со специальной миссіей энергично противодѣйствовать заподозриваніямъ правительства и обнаружившемуся во время послѣднихъ выборовъ направленію общественнаго мнѣнія, введеннаго въ заблужденіе этими заподозриваніями, изъ чего министры логическимъ путемъ пришли къ заключенію о необходимости пустить въ ходъ при выборахъ весь бюрократическій аппаратъ. Новые выборы были назначены на 6-ое мая 1862 г.

Рѣчь Лассаля „о сущности конституціи“ произнесенная въ либеральныхъ фрейтахъ цѣлаго ряда

округовъ совпадаетъ по времени съ подготовкой къ этимъ выборамъ. Это—одна изъ лучшихъ его рѣчей. Теоретикъ-идеалистъ оказался въ данномъ случаѣ практикомъ-реалистомъ—въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Увѣренно онъ влагаетъ персты свои въ язвы и открыто указываетъ слушателямъ, гдѣ находится корень зла. Ясно и опредѣленно въ сжатомъ и блестящемъ изложеніи онъ показываетъ намъ въ чемъ сущность спора, и доказываетъ, что споръ этотъ тогда только будетъ удовлетворительно разрѣшенъ, когда будетъ понята его истинная природа и сообразно съ ней будутъ дѣйствовать—именно трактуя ее, какъ вопросъ о силѣ. Несомнѣнно и вожди либеральной партіи сознавали, что именно въ этомъ сущность борьбы за конституцію, но они полагали, что поступаютъ необыкновенно умно, не высказывая этого открыто. При помощи писанной конституціи они желали „конституціоннымъ“ путемъ выторговать у правительства фактическую силу и при этомъ надѣялись исключительно на чудодѣйственную силу общественнаго мнѣнія, которое Лассаль въ этой рѣчи называетъ „общественной совѣстью“, вполне правильно указывая, что въ извѣстныхъ предѣлахъ и она тоже можетъ составить часть конституціи. Но для либераловъ эта „общественная совѣсть“ составляла все и поэтому въ ихъ постановкѣ вопросъ о конституціи былъ вопросомъ чисто правовымъ, споромъ изъ за формальнаго права, которое, конечно, было на сторонѣ парламента. При такихъ обстоятельствахъ вожакамъ либеральной партіи далеко не по вкусу пришла рѣчь, въ которой съ необыкновенной проницательностью и желѣзной логикой излагались конечные результаты возникшаго конфликта. Правда, Лассаль благоразумно удержался отъ

спеціальнихъ практичнихъ виводовъ изъ своїхъ сопоставленій, но ихъ революційний смыслъ былъ ясень. Скорѣе подстаъ была эта рѣчь реакціонерамъ. Если либералы замалчивали вопросъ о силѣ скрывавшійся за вопросомъ о правѣ, то цѣлю послѣдователей „Крестовой газеты“ было представить требованія лѣвой, какъ революційное посягательство на сферу власти короны. Имъ, опиравшимся на силу штыковъ, казалось чрезвычайно цѣлесообразнымъ снова и снова ссылаться на существующіе соотношеніе силъ.

Я начну свою рѣчь вопросомъ: что такое конституція, въ чемъ ея сущность?

Въ настоящее время, господа, всѣ рѣшительно съ утра до поздней ночи разсуждаютъ о конституціи. Во всѣхъ газетахъ, во всѣхъ собраніяхъ, во всѣхъ трактирахъ идутъ нескончаемые толки о конституціи.

И тѣмъ не менѣе я сильно опасаюсь, что на этотъ серьезный вопросъ:—въ чемъ заключается сущность, идея конституціи,—только весьма немногіе изъ всей этой массы разсуждающихъ будутъ въ состояніи удовлетворительно отвѣтить.

Многіе при этомъ вопросѣ несомнѣнно готовы будутъ схватиться за томъ собранія прусскихъ законовъ 1850 г. и вычитать изъ него о прусской конституціи.

Но вы прекрасно понимаете, что это далеко не отвѣтъ на поставленный мною вопросъ. Вѣдь въ этомъ томѣ изложена вполне опредѣленная, а именно прусская конституція, слѣдовательно въ немъ мы не можемъ найти отвѣта на вопросъ: въ чемъ заключается сущность, идея конституціи вообще.

Если бы этотъ же вопросъ я задалъ юристу, то получилъ бы отъ него приблизительно слѣдующій отвѣтъ: „конституція—это клятвою скрѣпленный договоръ между королемъ и народомъ, устанавливающій основные принципы законодательства и управленія въ странѣ“. Или же, въ виду того что конституція можетъ быть и республиканской, нашъ юристъ далъ бы намъ болѣе общее опредѣленіе конституціи сказавъ: конституція—это провозглашенный въ странѣ основной законъ, устанавливающій организацію публичнаго права націи“.

Но и всѣ эти, а равно и имъ подобныя формальныя юридическія опредѣленія также далеки отъ дѣйствительнаго отвѣта на поставленный мною вопросъ, какъ и предыдущій отвѣтъ. Всѣ они даютъ намъ лишь одно только внѣшнее описаніе того, какъ вводится конституція, что устанавливаетъ она, но вовсе не объясняютъ, что же такое конституція. Эти отвѣты даютъ намъ критеріи и признаки для чисто внѣшняго и юридическаго распознаванія конституціи, но совершенно не выясняютъ въ чемъ заключается ея идея, ея сущность и, благодаря этому, оставляютъ насъ далѣе въ полномъ невѣдѣніи относительно того будетъ ли вообще и при какихъ условіяхъ хороша или дурна данная конституція, осуществима или не осуществима она, жизнена ли она или не жизнена. Всѣ эти вопросы однако могли бы быть выяснены только въ связи съ самой идеей конституціи. Необходимо прежде всего познать сущность конституціи вообще для того, чтобы рѣшить вопросъ: соответствуетъ ли сущности, не противорѣчитъ ли ей данная конституція.

Самой же сущности намъ совершенно не выясняютъ подобныя юридическія опредѣленія чисто внѣшнихъ признаковъ конституціи, опредѣленія одинаково примѣнимыя ко всякому листу бумаги, подписанному націей, или націей и ея королемъ и объявленному конституціей независимо отъ того, каково бы ни было содержаніе этого листа бумаги. Идея конституціи,—въ чемъ вы сами убѣдитесь, какъ только мы постигнемъ эту идею—является источникомъ всего конституціоннаго искусства и всей конституціонной мудрости, которая затѣмъ свободно и какъ бы произвольно развиваются изъ этой идеи.

Итакъ, еще разъ повторяю, свой вопросъ:—что такое конституція, въ чемъ заключается ея сущность, ея идея?

Такъ какъ мы этого еще не знаемъ—но мы должны узнать, господа, добиваясь этого сообщая,—то воспользуемся методомъ, вообще примѣняемымъ во всѣхъ случаяхъ, когда необходимо добиться яснаго представ-

ленія о какомъ либо предметѣ. Методъ этотъ, господа,—простъ. Онъ заключается въ томъ, что предметъ, о которомъ хотять составить себѣ представленіе, сравниваютъ съ другимъ однороднымъ ему предметомъ, ясно и рѣзко подчеркивая при этомъ существующія между этими предметами различія.

Пользуясь этимъ методомъ, я спрашиваю: чѣмъ отличается конституція отъ закона?

Конституція и законъ повидимому однородны по своей сущности. Конституція должна имѣть силу закона, она должна, слѣдовательно, быть также закономъ; но она должна быть не только закономъ, она должна быть чѣмъ-то большимъ закона. Вотъ тутъ то и заключается ея отличіе отъ закона. Что подобное отличіе существуетъ, что конституція не должна быть простымъ закономъ, а чѣмъ то большимъ—это легко доказать сотнями фактовъ.

Вы, напримѣръ, М. Г., не видите ничего дурного въ томъ, что издаются новые законы. Напротивъ, вы сознаете, что необходимо почти ежегодно издавать большее или меньшее количество новыхъ законовъ. А между тѣмъ изданіе каждаго новаго закона неминуемо влечетъ за собою измѣненіе существующихъ законныхъ отношеній, такъ какъ новый законъ, не вносящій никакого измѣненія въ существующій законный порядокъ, былъ бы совершенно излишнимъ и не былъ бы изданъ. Слѣдовательно, вы не только не находите ничего дурного въ измѣненіи законовъ, а напротивъ, усматриваете вообще въ этомъ законотворную задачу правительственныхъ учреждений. Но стоитъ только тронуть Вашу конституцію, вы тотчасъ приходите въ раздраженіе и начинаете вопить: не касайтесь нашей конституціи! Чѣмъ объяснить эту разницу? Разница эта такъ очевидна, что въ нѣкоторыхъ конституціяхъ прямо закономъ устанавливается: конституція не можетъ быть измѣнена; въ другихъ: конституція можетъ быть измѣнена только по желанію $\frac{2}{3}$ голосовъ законодательнаго собранія; наконецъ въ нѣкоторыхъ установлено, что законодательное собраніе даже въ соеди-

неніи со всѣми остальными правительственными властями не можетъ вводить измѣненія въ конституціи, а только предлагать ихъ. Для проведенія же послѣднихъ должно быть избрано страною спеціально *ad hoc* новое собраніе представителей.

Всѣ эти факты несомнѣнно свидѣтельствуютъ о томъ, что по всеобщему народному убѣжденію конституція должна быть чѣмъ-то болѣе святымъ, устойчивымъ, незыблемымъ, чѣмъ обыкновенный законъ.

Итакъ я снова возвращаюсь къ своему вопросу: чѣмъ отличается конституція отъ обыкновеннаго закона?

На этотъ вопросъ обыкновенно отвѣчаютъ: конституція это не простой законъ, какимъ является всякій законъ, нѣтъ—это основной законъ страны. И очень можетъ быть, господа, что въ этомъ отвѣтѣ заключается истина, выраженная въ неясной формѣ. Но форма такъ не ясна, что отвѣтъ, выраженный въ ней, мало приноситъ пользы. Тотчасъ же возникаетъ новый вопросъ: чѣмъ отличается законъ отъ основного закона? Слѣдовательно мы ни на шагъ не подвинулись впередъ. Мы обогатились только новымъ терминомъ, „основной законъ“, который однако для насъ совершенно бесполезенъ, пока мы не знаемъ, чѣмъ отличается основной законъ отъ всякаго другого закона.

Итакъ попытаемся приблизиться къ существу дѣла, вникнемъ въ сущность термина, „основной законъ“, другими словами, опредѣлимъ, чѣмъ долженъ отличаться основной законъ отъ всякаго другого закона, чтобы оправдать свое названіе основного закона.

Основной законъ долженъ, слѣдовательно:

1) быть болѣе глубокимъ, чѣмъ всякій другой обыкновенный законъ, на что указываетъ само его названіе „основной“; кромѣ того онъ долженъ

2) служить основою другимъ законамъ, т. е. основной законъ долженъ, слѣдовательно, быть активнымъ творцомъ другихъ обыкновенныхъ законовъ, чтобы быть ихъ основою. Основной законъ долженъ, слѣ-

довательно, проявляться въ другихъ обыкновенныхъ законахъ.

3) То же, что имѣть основаніе, не можетъ произвольно измѣняться, оно по необходимости должно оставаться самимъ собою. Стать инымъ ему мѣшаетъ его же основаніе. Только лишенное основанія, слѣдовательно чисто случайное, можетъ быть такимъ, какимъ оно есть, а часто и инымъ. Все же имѣющее основаніе по необходимости остается самимъ собою. Планеты, напр., имѣютъ опредѣленное движеніе. Это движеніе либо имѣетъ опредѣляющее его основаніе, либо его не имѣетъ. Если оно его не имѣетъ, то это движеніе случайно и въ каждый данный моментъ можетъ измѣниться. Если же оно имѣетъ основаніе, а именно, какъ говорятъ натуралисты, силу притяженія солнца, то этимъ уже сказано, что это движеніе планетъ опредѣлено и регулировано основаніемъ, притягательной силой солнца, такъ, что оно не можетъ быть инымъ, какъ только тѣмъ чѣмъ, есть. Слѣдовательно понятіе основанія включаетъ въ себѣ представленіе какой-то реальной необходимости, какой-то активной силы, которая неминуемо все ею обоснованное дѣлаетъ тѣмъ, чѣмъ оно есть.

Слѣдовательно, если конституція является основнымъ закономъ страны, то она есть нѣчто—здѣсь, господъ, насъ озарилъ первый лучъ свѣта—что необходимо болѣе подробно опредѣлить, или, какъ мы пока нашли, она есть активная сила, дѣлающая по необходимости всѣ другіе законы и установленные въ странѣ правительственныя учрежденія, тѣмъ, чѣмъ они являются такъ что съ этихъ поръ въ данной странѣ ни какіе другіе законы, кромѣ именно этихъ, не могутъ быть изданы.

Существуетъ ли однако, господа, въ странѣ нѣчто такое—съ постановкою этого вопроса начинается постепенно освѣщаться вполне наша тема—существуетъ ли въ странѣ, спрашиваю я, нѣчто такое, какая либо активная реальная опредѣляющая сила, которая вліяла бы на всѣ издаваемые въ странѣ законы

такъ, чтобы они до извѣстной степени были именно такими, какими они являются, а не иными?

Да, несомнѣнно, господа, что нѣчто такое существуетъ и это ничто иное, какъ фактическія отношенія силы, существующія въ данномъ обществѣ.

Фактическія отношенія силы, существующія въ каждомъ обществѣ, и являются активно-реальной силой, которая настолько опредѣляетъ всѣ законы и весь правопорядокъ, что они въ своихъ существенныхъ чертахъ могутъ быть именно только такими, а не иными.

Спѣшу окончательно выяснить свою мысль грубымъ примѣромъ. Въ той формѣ, въ какой я приведу этотъ примѣръ, конечно, онъ совершенно невозможенъ. Но, не касаясь уже даже того, насколько, быть можетъ, позже мы убѣдимся въ возможности этого самаго примѣра, конечно, въ нѣсколько иной его формѣ, мы придемъ къ заключенію, что дѣло вѣдь вовсе не въ томъ, можетъ ли имѣть мѣсто что либо подобное, а въ томъ, чтобы изучить на этомъ примѣрѣ природу вещей, которая обнаружилась бы, если бы только онъ случился.

Вамъ извѣстно, господа, что въ Пруссіи только то имѣетъ силу закона, что опубликовано въ собраніи законовъ. Собраніе законовъ печатается въ оберъ-гофъ-типографіи Декера. Оригиналы законовъ хранятся въ извѣстныхъ государственныхъ архивахъ; печатныя собранія законовъ въ другихъ архивахъ, библіотекахъ и книжныхъ магазинахъ.

Предположимъ, случился страшный пожаръ, въ родѣ Гамбургскаго и всѣ эти государственные архивы, библіотеки, книжные магазины и оберъ-гофъ-типографія Декера сгорѣли и далѣе, по странному стеченію обстоятельствъ и въ другихъ городахъ монархіи сгорѣли частныя библіотеки, въ которыхъ были собранія законовъ, такъ что во всей Пруссіи не существуетъ ни единого закона въ достовѣрной формѣ.

Въ результатъ этого несчастія страна лишилась бы всѣхъ своихъ законовъ и ей ничего другого не оставалось бы, какъ приняться за составленіе новыхъ законовъ.

Думаете ли вы, господа, что въ данномъ случаѣ можно было бы вполнѣ произвольно поступать, издавать вполнѣ произвольные новые законы, какіе кому вздумается? Посмотримъ. Предположимъ, вы сказали бы: законы уничтожены, теперь мы издаемъ новые законы и мы не желаемъ предоставлять королевству того положенія, которое оно занимало до сихъ поръ; или даже такъ: мы не желаемъ совершенно королевства.

На это король отвѣтилъ бы просто: законы погибли, но фактически армія мнѣ повинуется, слѣдуетъ моимъ велѣніямъ, фактически коменданты арсеналовъ и казармъ по моему приказанію выдадутъ пушки и артиллерія выѣдетъ съ ними на улицу и, опираясь на эту фактическую силу, я не потерплю, чтобы вы вопреки моему желанію измѣняли мое положеніе.

Вы видите, господа, что король, которому повинуются войско и пушки, есть часть конституціи.

Или предположимъ, вы сказали бы: насъ 18 милліоновъ пруссаковъ. Среди этихъ 18 милліоновъ имѣется ничтожная горсточка крупныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ. Мы не понимаемъ, почему эта ничтожная горсточка крупныхъ землевладѣльцевъ пользуется такимъ же вліяніемъ, какимъ пользуется всѣ 18 милліоновъ вмѣстѣ взятые, такъ какъ эта ничтожная горсточка, составляя палату господъ, обсуждаетъ постановленія палаты депутатовъ, избранныхъ всей націей и отвергаетъ эти постановленія, разъ только они чего-нибудь стоятъ. Допустимъ, что Вы такъ разсудили бы и сказали: мы всѣ „господа“ и не желаемъ болѣе никакой особой палаты господъ.

Мнѣ думается, господа, что крупные землевладѣльцы-дворяне, едва ли могли бы въ отвѣтъ на это вывести противъ васъ своихъ крестьянъ! Напротивъ, имъ по всѣмъ вѣроятіямъ не мало труда стоило бы самимъ удрать отъ своихъ крестьянъ.

Но крупные землевладѣльцы-дворяне, всегда пользовались большимъ вліяніемъ при дворѣ и на короля и благодаря этому они могли бы пустить въ ходъ

противъ васъ войско и пушки такъ же свободно, какъ если бы эти силы находились въ ихъ непосредственномъ распоряженіи.

Итакъ вы видите, господа, что дворянство, пользующее вліяніемъ на короля и при дворѣ,—есть часть конституціи.

Или допустимъ противоположное, а именно, что король и дворянство по взаимному между собою соглашенію пожелали бы возстановить средневѣковое цеховое устройство и при томъ не только для мелкаго ремесла, какъ это нѣсколько лѣтъ тому назадъ отчасти и на самомъ дѣлѣ пытались осуществить, нѣтъ, а въ томъ масштабѣ, въ какомъ оно существовало въ средніе вѣка, а именно для всего общественнаго производства, слѣдовательно для крупнаго фабричнаго производства и для машиннаго производства. Вамъ, конечно, извѣстно, господа, что крупный капиталъ при средневѣковой цеховой системѣ не могъ производить, что крупное и фабричное производство въ настоящемъ смыслѣ этого слова, машинное производство, совершенно не могло развиваться при средневѣковой цеховой системѣ, такъ какъ, согласно этой системѣ, закономъ нормировалось расчлененіе различныхъ, подъ часъ ближайшихъ сродныхъ отраслей труда и ни одинъ промышленникъ не смѣлъ соединить двѣ подобныя отрасли. Штукатуръ не смѣлъ замазать щели, кузнецы вели безконечные процессы съ слесарями о границахъ своихъ ремеслъ, набойщикъ не могъ принять на работу красильщика. Равнымъ образомъ при цеховой системѣ закономъ точно опредѣленъ былъ размѣръ производства каждаго промышленника, а именно каждый мастеръ, въ данномъ мѣстѣ, въ опредѣленной отрасли производства могъ давать занятіе равному, закономъ опредѣленному количеству рабочей силы.

Вы видите, что уже по этимъ двумъ причинамъ крупное производство, производство машинами и цѣлою системою машинъ, при цеховомъ строѣ не могло бы просуществовать ни одного дня. Въдъ крупное производство въ качествѣ необходимаго условія своего

существованія требуетъ: во-первыхъ объединенія различныхъ отраслей труда въ рукахъ одного крупнаго капиталиста; во-вторыхъ, массоваго производства и свободной конкуренціи, т. е. слѣдовательно, совершенно безграничнаго примѣненія рабочихъ силъ.

Что же однако вышло бы, если бы тѣмъ не менѣе все же пожелали бы ввести въ настоящее время цеховое устройство?

Борзигъ, Эгельсъ и т. п. господа, владѣльцы крупныхъ ситцевыхъ, шелковыхъ и т. п. фабрикъ, закрыли бы свои фабрики и распустили бы своихъ рабочихъ; даже управленія желѣзныхъ дорогъ вынуждены были бы сдѣлать то же, въ торговлѣ и въ промышленности наступилъ бы застой; множество ремесленныхъ мастеровъ благодаря этому въ свою очередь, отчасти по необходимости, отчасти добровольно, распустили бы своихъ подмастерьевъ; вся эта огромная масса народа хлынула бы на улицу, требуя хлѣба и работы, за нею стояла бы крупная буржуазія, разжигая толпу своимъ вліяніемъ, поощряя своимъ престижемъ, поддерживая своими деньгами; вспыхнула бы борьба, въ которой войска никогда не могли бы побѣдить.

Итакъ вы видите, господа, что Борзигъ, Эгельсъ и вообще крупные промышленники составляютъ часть конституціи.

Или предположимъ, что правительство пожелало бы ввести мѣры, наносящія существенный ущербъ интересамъ крупныхъ банкировъ. Допустимъ напр., что правительство сказало бы: королевскій банкъ не долженъ служить, какъ это было до сихъ поръ, интересамъ крупныхъ банкировъ и капиталистовъ, которые и безъ того распоряжаются всей денежной наличностью и всѣмъ кредитомъ и въ настоящее время одни только могутъ дисконтировать свои подписи въ банкѣ, т. е. кредитоваться, королевскій банкъ не долженъ удешевлять имъ кредита его ближайшей цѣлью должно быть удешевленіе кредита бѣднякамъ и людямъ средняго достатка; поэтому королевскій банкъ

долженъ быть организованъ соотвѣтственно этой его цѣли. Осуществилась ли бы эта мѣра, господа?

Эта мѣра, конечно, не вызвала бы возстанія, но все же при настоящемъ правительствѣ она не осуществилась бы.

Правительство, господа, порою нуждается въ такихъ денежныхъ средствахъ, въ такой массѣ денегъ, какой оно не рѣшается взимать въ видѣ налоговъ, тогда оно прибѣгаетъ къ поѣданію будущихъ средствъ, т. е. совершаетъ займы и для этого выпускаетъ государственныя бумаги. Вотъ для чего правительству нужны банкиры. Съ теченіемъ времени, конечно, большая часть государственныхъ бумагъ въ свою очередь переходитъ въ руки всего имущаго класса и мелкихъ собственниковъ. Но для этого однако нужно время и часто довольно продолжительное. Правительству же необходимо получить деньги сейчасъ и сразу или же съ небольшими разсрочками, а для этого требуются посредники, которые дали бы ему сразу всю сумму денегъ и взяли бы на себя впослѣдствіи сбытъ, полученныхъ за это, государственныхъ бумагъ въ широкихъ кругахъ публики, и при томъ сбытъ съ барышемъ отъ повышенія курса, который искусственно поднимается на биржѣ. Этими посредниками являются крупные банкиры и потому правительство въ настоящее время должно съ ними ладить.

Вы видите, господа, что банкиры Мендельсонъ, Шиклеръ, вообще биржа—составляютъ часть конституціи.

Или предположимъ, господа, что правительство вздумало бы напримѣръ издать уголовный законъ въ родѣ китайскаго, который за воровство, совершенное сыномъ, каралъ бы отца.

Подобный законъ, конечно, былъ бы мертворожденнымъ, такъ какъ онъ слишкомъ вооружилъ бы противъ себя общественное мнѣніе, общественное сознаніе. Вы видите, слѣдовательно, господа, въ извѣстныхъ предѣлахъ общественная совѣсть, общественное сознаніе, также является частью конституціи.

Или предположимъ, что правительство рѣшилось бы удовлетворить дворянъ, банкировъ, крупныхъ промышленниковъ и вообще крупныхъ капиталистовъ, но за то лишить политической свободы мелкую буржуазію и рабочій классъ. Удалось ли бы это правительству? Несомнѣнно, господа, что это на время удалось бы; мы уже видѣли, что это удастся и позже будемъ имѣть случай еще разъ убѣдиться въ этомъ.

Теперь представимъ себѣ, что мелкую буржуазію и рабочій классъ вздумали бы лишить не только политической, но и личной свободы, т. е. рѣшили бы объявить ихъ лично несвободными, крѣпостными и подданными, какъ это было во многихъ странахъ въ давно канувшія въ вѣчность времена средневѣковья. Удалось ли бы и это, господа?—Нѣтъ, если бы даже этого добивались дружными усиліями король, дворянство и вся крупная буржуазія—все-таки они ничего не достигли бы. Въ данномъ случаѣ вы сказали бы: мы охотнѣе умремъ, чѣмъ подчинимся. Рабочій классъ и помимо закрытія Борзигомъ и Эгельсомъ своихъ фабрикъ, вышелъ бы на улицу, къ нему на помощь явилась бы мелкая буржуазія и, такъ какъ это объединенное сопротивление было бы слишкомъ трудно сломить, то вы видите, господа, что въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ и вы составляете часть конституціи.

Итакъ, господа, теперь вы уразумѣли, что такое конституція страны—это существующія въ странѣ фактическія отношенія силы.

Что же такое то, что обыкновенно называютъ, конституціей? Что такое правовая конституція? Теперь, господа, вы сами видите, что это такое.

Эти фактическія отношенія записываются на бумагѣ, облакаются въ письменную форму, а разъ они записаны, они уже не просто фактическія отношенія силы, а право, правовые институты и кто возстаетъ противъ нихъ—наказывается.

Точно также, господа, теперь вамъ само собою выясняется, какимъ образомъ совершается это запи-

сываніе указанныхъ фактическихъ отношеній, превращающее ихъ въ правовыя отношенія.

Конечно не пишутъ: господинъ Борзигъ—часть конституціи, г. Мендельсонъ—часть конституціи и т. д., нѣтъ—это выражаютъ гораздо тоньше.

Такъ напримѣръ, если хотятъ предоставить небольшому числу крупныхъ промышленниковъ и крупныхъ капиталистовъ такую же или даже большую власть въ королевствѣ, чѣмъ всѣмъ бюргерамъ, рабочимъ и крестьянамъ вмѣстѣ взятымъ то, конечно, постѣсняются занести это на бумагу въ такой открытой и откровенной формѣ. Для этого издадутъ законъ, подобный напр. дарованному трехклассному избирательному закону 1849 г., которымъ раздѣлять всю страну на три избирательныхъ класса въ зависимости отъ размѣра платимыхъ ими налоговъ, послѣдній же конечно опредѣляется всецѣло капиталомъ плательщика.

По официальнымъ спискамъ, господа, составленнымъ правительствомъ въ 1849 г. послѣ изданія этого трехкласснаго избирательнаго закона во всей Пруссіи числилось:

3,255,600 избирателей,
распредѣленныхъ въ трехъ классахъ избирателей слѣдующимъ образомъ:

въ 1-омъ кл. избират.	числилось во всей Пруссіи	153,808 чел.
во 2-омъ " " " "	" " " "	409,945 "
въ 3-мъ " " " "	" " " "	2,691,950 „

Повторяю, господа, что эти цифры заимствованы мною изъ официальныхъ списковъ.

Изъ этихъ списковъ вы видите, что 153,808 очень богатымъ людямъ принадлежитъ такая же политическая власть, какая и 2,691,950 бюргерамъ, крестьянамъ и рабочимъ вмѣстѣ взятымъ, далѣе вы видите, что эти 153,808 очень богатыхъ людей и 409,945 людей средняго достатка, образующихъ второй классъ избирателей, обладаютъ ровно вдвое большей политической властью, чѣмъ вся остальная вмѣстѣ взятая нація, такъ что 153,808 избирателей I класса и любая половина 409,945 избирателей второго класса об-

ладають уже большею политическою властью, чѣмъ другая половина людей средняго достатка второго класса и 2,691,950 третьяго класса, вмѣстѣ взятые.

Теперь вы видите, господа, что такимъ способомъ достигаютъ того же самаго результата, какой получился бы, если бы въ конституціи грубыми словами было написано слѣдующее: богатый долженъ обладать въ 17 разъ большею политическою властью, чѣмъ всякій другой гражданинъ, или такую, какой обладают 17 другихъ гражданъ.

До изданія этого трехкласснаго избирательнаго закона у насъ существовало, установленное закономъ, а именно, закономъ 8 апрѣля 1848 года, всеобщее избирательное право, которое предоставляло каждому гражданину, независимо отъ того бѣденъ ли онъ или богатъ, равное избирательное право, а слѣдовательно и равное политическое право на участіе въ опредѣленіи воли и цѣли государства. Итакъ, господа, вы видите, этимъ вполне подтверждается сказанное мною раньше, а именно, что у васъ, бюргеровъ и рабочихъ, къ сожалѣнію, очень легко отнять ваши политическія права, если только при этомъ не посягать слишкомъ грубо и непосредственно на ваши личныя блага, личную неприкосновенность и собственность. Тогда вы легко уступили ваше избирательное право и до сихъ поръ мнѣ рѣшительно ничего не извѣстно о какой бы то ни было агитаціи въ цѣляхъ его возстановленія.

Далѣе, если хотятъ въ конституціи установить принципъ, въ силу котораго незначительное количество дворянъ-землевладѣльцевъ исключительно должно обладать такою же властью, какою обладаетъ всѣ вмѣстѣ взятые богатые, зажиточные и неимущіе, избиратели всѣхъ трехъ классовъ, вся нація, то опять таки постѣсняются формулировать этотъ принципъ въ такихъ грубыхъ словахъ—вы должны господа твердо и разъ навсегда запомнить, что все ясное грубо. Въ конституціи этотъ принципъ будетъ формулированъ такъ: изъ представителей вѣками освященнаго и утвержденнаго землевладѣнія учре-

ждается съ нѣкоторыми несущественными дополненіями палата господъ, согласіе которой необходимо для дѣйствительности всѣхъ постановленій палаты депутатовъ, представителей всей націи. Такимъ образомъ, горсточкѣ представителей древняго землевладѣнія предоставляется политическая власть, превышающая единоголосную волю націи и всѣхъ ея классовъ.

Такимъ же точно образомъ, далѣе, когда желаютъ, чтобы король исключительно обладалъ такою же или даже гораздо большею политическою властью, чѣмъ всѣ три класса избирателей, чѣмъ вся нація, включая сюда даже и дворянъ-землевладѣльцевъ, то дѣлаютъ это такъ:

Въ статьѣ 47 конституціи значится: „Король назначаетъ на всѣ должности въ арміи“, а въ статьѣ 48: „Армія конституціи не присягаетъ“. Далѣе, рядомъ съ этой статьёй строится цѣлая теорія, въ дѣйствительности этой же статьёй принципиально обосновываемая, а именно теорія, по которой положеніе занимаемое королемъ въ арміи совершенно отличается отъ положенія занимаемаго имъ во всѣхъ прочихъ государственныхъ учрежденіяхъ: для арміи король не только король, а нѣчто еще и другое, совершенно особенное, таинственное и неизвѣстное, для обозначенія чего изобрѣтено слово „военный государь“. Въ силу этихъ то соображеній палатѣ депутатовъ или націи нѣтъ дѣла до арміи, онѣ не могутъ вмѣшиваться въ дѣла по организаціи арміи, онѣ должны вотировать только деньги для нея. И надо сознаться — правда прежде всего — что эта теорія имѣетъ нѣкоторое обоснованіе въ 108 статьѣ конституціи. Признавая, что армія не обязана присягать конституціи, не смотря на то, что всѣ остальные слуги государства и даже самъ король обязаны присягать ей, конституція тѣмъ самымъ признаетъ въ принципѣ, что армія должна находиться внѣ конституціи, ничего общаго съ нею не имѣть, а единственно и исключительно находиться въ какомъ то отношеніи къ личности короля, но не къ странѣ.

Разъ же только удалось достигнуть того, что король назначаетъ на всѣ должности въ арміи и что армія находится на какомъ-то особомъ положеніи у короля, то тѣмъ самымъ одному королю предоставлена не только такая же, но и вдесятеро большая политическая власть, чѣмъ всей странѣ и даже въ томъ случаѣ, если бы въ дѣйствительности настоящая сила страны въ десять, въ двадцать и въ пятьдесятъ разъ превышала силу арміи. Причина этого кажущагося противорѣчія очень проста.

Орудіе политической власти короля, армія организована, постоянно въ сборѣ, прекрасно дисциплинирована и каждую минуту готова выступить; напротивъ того, дремлющая сила націи, если она, господа, въ дѣйствительности безконечно превышаетъ даже силу арміи, все же она не организована; волю націи и въ особенности степень рѣшимости, которой достигла эта воля, не всегда легко опредѣлить ея членамъ, вотъ почему никто не знаетъ сколько народа послѣдуетъ за нимъ. Кромѣ того у націи нѣтъ орудій организованной силы, тѣхъ столь важныхъ основъ конституціи, о которыхъ я уже говорилъ: пушекъ. Правда, пушки пріобрѣтаются на деньги гражданъ, отливаются и совершенствуются помощью наукъ, развиваемыхъ гражданскимъ обществомъ, физикой, механикой и др. Слѣдовательно уже самое существованіе пушекъ доказываетъ, какъ велика сила гражданского общества, какъ велики успѣхи наукъ, технического искусства, отраслей фабричнаго и всякаго другого труда. Но здѣсь мнѣ припоминается строфа Виргилія: „*Sic vos, non vobis*“! Ты дѣлаешь это, да не для себя. Пушки отливаются всегда только для организованной силы, поэтому страна знаетъ, что при столкновеніи въ рядахъ противниковъ она встрѣтитъ этихъ свидѣтелей своей мощи. Вотъ отчего меньшая, но организованная сила часто въ теченіе долгаго времени можетъ пересиливать несравненно большую, но неорганизованную силу націи, пока, наконецъ, вслѣдствіе продолжительнаго управленія національными дѣлами

вопреки волѣ и интересамъ націи, послѣдняя не рѣшится противопоставить организованной силѣ свое неорганизованное превосходство.

Итакъ, господа, мы знаемъ теперь сущность обѣихъ конституцій страны, ея дѣйствительной конституціи, реальныхъ соотношеній силы, существующихъ въ странѣ, и ея писанной конституціи, которую въ отличіе отъ первой можемъ назвать хотя бы листомъ бумаги.

Фактическій строй, фактическую конституцію—въ чемъ вы сейчасъ сами убѣдитесь—всегда имѣла всякая страна, и мнѣніе, будто управленія или конституціи составляютъ особенность исключительно позднѣйшаго времени—это мнѣніе—одно изъ самыхъ ложныхъ и приводящихъ къ самымъ вздорнымъ выводамъ. Каждой странѣ необходимъ фактическій строй или конституція на столько же, на сколько необходимо каждому тѣлу хорошее или дурное, такое или иное устройство. Въдѣ въ каждой же странѣ обязательно существуютъ какія либо фактическія отношенія силы.

Когда во Франціи задолго до французской революціи прошлаго столѣтія при абсолютной легитимной монархіи, король Людовикъ XVI декретомъ 3 февраля 1776 года отмѣнилъ дорожную повинность, обязывающую крестьянъ безвозмездно чинить дороги и улицы и взамѣнъ ввелъ для покрытія дорожныхъ работъ налогъ, падавшій и на землю дворянъ, то французскій парламентъ воспротивился этому и заявилъ: „Le peuple de France est taillable et corvéable a' volonté, c'est une partie de la constitution que le roi ne peut changer“ т. е. французскій народъ, а именно не привилегированный народъ, низшій слой народа, можетъ быть облагаемъ податями и повинностями по произволу, это часть конституціи, которую король не можетъ измѣнить.

Вы видите, господа, что и тогда также какъ и теперь говорили о конституціи и при томъ о такой даже конституціи, которую король не можетъ измѣнять.

Правда, то, что здѣсь именуется конституціей—возможность произвольно облагать низшіе слои народа податями и повинностями—не было занесено въ особый актъ, въ которомъ были бы начертаны всѣ важнѣйшіе принципы управленія, это было просто выраженіемъ фактическихъ отношеній силы въ средневѣковой Франціи. Въ средніе вѣка низшій народъ былъ дѣйствительно такъ безсиленъ, что его можно было по произволу облагать податями и повинностями; вотъ эти фактическія отношенія силы всегда учитывались, народъ всегда такъ обременяли. Этотъ фактический ходъ создавалъ такъ называемые прецеденты, которые въ Англіи и до сихъ поръ, а въ средніе вѣка всюду играли выдающуюся роль въ конституціонныхъ вопросахъ. При фактическомъ обремененіи народа часто устанавливались факты возможности подобнаго обремененія народа; иначе впрочемъ и быть не могло. Эти установленные факты возводились въ государственно-правовые принципы, на которые затѣмъ въ подобныхъ случаяхъ ссылались. Часто однако различныя особыя обстоятельства, коренившіяся въ фактическихъ отношеніяхъ силы, получали особыя выраженія и признанія на пергаментѣ. Такъ возникли различныя *franchises*, вольности, права, привилегіи, статуты сословій, ремесль, городовъ и т. д.

Всѣ эти факты, прецеденты, государственно-правовые принципы, пергаменты, вольности, статуты, привилегіи въ совокупности своей составляли конституцію страны и все это въ совокупности было лишь простымъ наивнымъ выраженіемъ существовавшихъ въ странѣ фактическихъ отношеній силы.

Фактический строй или конституцію, слѣдовательно, всегда имѣла каждая страна. Особенностью новѣйшаго времени, слѣдовательно, является не фактическая конституція, а конституція писанная или листъ бумаги—это особенно важно не упускать изъ виду.

Въ самомъ дѣлѣ въ новѣйшее время мы наблюдаемъ въ большей части странъ стремленіе дать писанную конституцію, которая должна собрать и закрѣ-

пить въ одномъ актѣ, на одномъ листѣ бумаги всѣ институты и принципы управленія страны.

Чѣмъ объяснить это исключительное стремленіе новѣйшаго времени?

Это опять таки очень серьезный вопросъ и, только отвѣтивъ на него, мы будемъ въ состояніи понять, какъ слѣдуетъ приниматься за дѣланіе конституціи, что слѣдуетъ думать о сдѣланныхъ уже конституціяхъ и какъ къ нимъ относиться; словомъ только послѣ этого отвѣта выяснится все конституціонное искусство и вся конституціонная мудрость.

Итакъ, чѣмъ, спрашиваю я, вызывается исключительное стремленіе новѣйшаго времени къ составленію писанныхъ конституцій?

Чѣмъ это можетъ вызываться, господа?

Несомнѣнно только происшедшимъ измѣненіемъ въ фактическихъ отношеніяхъ силы данныхъ обществъ. Безъ измѣненія въ фактическихъ отношеніяхъ силы данного общества, при наличности въ немъ все еще прежнихъ отношеній силы, было бы совершенно не мыслимо и не возможно стремленіе въ этомъ обществѣ къ какой либо новой конституціи. Оно оставалось бы при прежней конституціи и максимумъ собралось бы въ одномъ актѣ разбросанныя части этой конституціи.

Какимъ же образомъ совершается измѣненіе въ фактическихъ отношеніяхъ силы общества?

Представьте себѣ примѣрно средневѣковое государство съ рѣдкимъ населеніемъ, какъ почти всѣ государства того времени, съ королемъ и дворянствомъ, которому принадлежитъ большая часть земли. Вслѣдствіе малочисленности населенія только самая ничтожная его часть можетъ заниматься промышленностью и торговлей, большая же часть его вынуждена заниматься обработкой земли и производствомъ необходимыхъ земледѣльческихъ продуктовъ. Такъ какъ большая часть земли находится въ рукахъ дворянства, то населеніе это находитъ занятіе и работу у дворянства же, состоя у послѣдняго въ разнообразныхъ степеняхъ и отношеніяхъ вассальства, крѣпостничества,

наслѣдственнаго фермерства и т. д.; всѣ эти отношенія однако преслѣдуютъ одну цѣль, поставить населеніе въ зависимость отъ дворянства и заставить его отбывать дворянству вассальную службу и сражаться за него. Излишкомъ земледѣльческихъ продуктовъ со своихъ помѣстій дворянство содержитъ въ своихъ замкахъ всадниковъ и тѣлохранителей, вообще воиновъ.

Этой силѣ дворянъ государь въ сущности не можетъ противопоставить никакой другой фактической силы кромѣ помощи тѣхъ дворянъ, которые добровольно—заставить ихъ ему трудно—откликнутся на его призывъ, да пожалуй еще слишкомъ ничтожной, чтобы о ней упоминать, помощи немногихъ и слабо населенныхъ городовъ.

Какова, господа, будетъ конституція этого государства?

Содержаніе ея несомнѣнно въ силу необходимости опредѣлится, только, что нами разсмотрѣнными, реальными отношеніями силы даннаго государства.

Конституція будетъ сословная, дворянство будетъ первенствующимъ и во всѣхъ отношеніяхъ господствующимъ сословіемъ. Безъ согласія дворянъ государь не сможетъ ввести грошевого налога и среди дворянъ онъ будетъ только *primus inter pares*, первымъ среди равныхъ.

И дѣйствительно, господа, такова была въ средніе вѣка конституція Пруссіи и большинства другихъ государствъ.

Теперь допустимъ, что населеніе все болѣе и болѣе возрастаетъ, промышленность и ремесла начинаютъ процвѣтать и благодаря этому даютъ необходимыя средства къ существованію для все увеличивающагося населенія, которое начинаетъ наполнять города. Капиталь и денежное богатство начинаютъ развиваться въ рукахъ буржуазіи и гильдій. Что произойдетъ при этихъ условіяхъ?

Увеличеніе городского населенія, независимаго отъ дворянства, интересы котораго даже противоположны его интересамъ, прежде всего на руку госу-

дарю; ростъ городского населенія увеличиваетъ количество способныхъ носить оружіе и находящихся въ распоряженіи государя; горожане и промышленники, сильно страдающіе отъ постоянныхъ дворянскихъ междоусобицъ, должны въ интересахъ торговли и промышленности добиваться гражданскаго спокойствія и безопасности, правильнаго правосудія въ странѣ,— поэтому то они охотно поддерживаютъ государя деньгами и людьми; съ помощью же ихъ субсидій государь, въ случаѣ необходимости, можетъ теперь уже собрать солидную военную силу, значительно превосходящую противопоставленную ему дворянствомъ. Теперь эти государи начнутъ все болѣе и болѣе ограничивать власть дворянъ, отнимать у нихъ право войны, разрушать ихъ замки за нарушеніе законовъ: наконецъ съ теченіемъ времени промышленность настолько разовьетъ денежное богатство и населеніе страны, что дастъ государю возможность образовать постоянную армію.

Этотъ государь двинетъ свои полки на собранія чиновъ, какъ великій курфирстъ, или словами Фридриха Вильгельма I: *je stabilirai die souveränität wie einen rocher de bronze*, уничтожить податную свободу дворянства и положить конецъ его праву разрѣшать налоги.

Вы видите, какъ здѣсь съ перемѣной реальныхъ отношеній силы измѣнилась и конституція; возникло абсолютное королевство или монархія.

Дворянство рѣшительно не въ состояніи соперничать съ монархомъ и уже давно вынуждено было отказаться отъ права имѣть военныя дружины. Оно забыло свою старую оппозицію королю, забыло, что было равнымъ ему, переѣхало большею частью изъ своихъ прежнихъ замковъ въ резиденцію, чтобы получать тамъ пенсіи и усиливать блескъ и престижъ монарха.

Промышленность же и ремесла все болѣе и болѣе развиваются, а вмѣстѣ съ ихъ расцвѣтомъ все болѣе и болѣе возрастаетъ населеніе.

Въ концѣ концовъ однако гражданское общество достигаетъ такого громаднаго, такого гигантскаго развитія, что государь уже болѣе не въ состояннн даже при помощи постоянной арміи угнаться за этимъ увеличеніемъ силъ гражданъ.

Нѣсколько цифръ, господа, вполнѣ краснорѣчиво подтвердятъ Вамъ это.

Въ 1657 г. Берлинъ имѣлъ 20,000 жителей. Приблизительно въ то же самое время, въ моментъ смерти великаго курфирста въ арміи было 24—30,000 человѣкъ.

Въ 1803 г. въ Берлинѣ было уже 153,070 жителей.

Въ 1819 г., шестнадцать лѣтъ спустя, въ Берлинѣ уже было 192,646 жителей.

Въ этомъ 1819 году въ постоянной арміи числилось 137,639 человѣкъ, въ то же время, какъ вамъ извѣстно, по сентябрьскому закону 1814 года, который тогда существовалъ и который теперь хотятъ у васъ отнять, народное ополченіе не причислялось къ постоянной арміи.

Вы видите, что постоянная армія тогда была вчетверо больше арміи великаго курфирста.

Число же жителей возросло въ 9 разъ.

Далѣе однако начинается еще болѣе быстрое развитіе.

Въ 1846 году населеніе Берлина—всѣ цифры заимствованы мною изъ официальныхъ источниковъ—достигло 389,308 жителей, почти 400,000, слѣдовательно, увеличилось съ 1819 года вдвое. Въ 27 лѣтъ оно болѣе чѣмъ удвоилось и теперь, какъ вамъ извѣстно, достигло почти 550,000,

Напротивъ того численность постоянной арміи въ 1846 году достигла только 138,810 человѣкъ, тогда какъ въ 1819 году она уже равнялась 137,639. Слѣдовательно армія почти не измѣняясь, совершенно не могла участвовать въ гигантскомъ развитіи общества.

При такомъ гигантскомъ развитіи общество начинаетъ сознать себя самостоятельной политической силой. На ряду съ этимъ ростомъ населенія проис-

ходить еще болѣе грандіозное накопленіе общественнаго богатства, столь же величественное развитіе наукъ и общественнаго самосознанія, что, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, составляетъ также часть конституціи. Теперь граждане начинаютъ разсуждать такъ: мы не желаемъ болѣе оставаться безвольной и подчиненной массой, мы желаемъ сами господствовать и государь долженъ управлять нами и нашими дѣлами сообразуясь съ нашей волей.

Словомъ, господа, реальныя фактическія отношенія силы этой страны снова измѣнились. Другими словами: въ обществѣ наступило 18 марта 1848 года!

Вы видите, господа, что здѣсь произошло какъ разъ то, что въ началѣ нашего изслѣдованія мы считали совершенно невѣроятнымъ предположеніемъ. Мы предположили тогда, что общество лишилось вслѣдствіе пожара всѣхъ своихъ законовъ. Въ дѣйствительности же они погибли не отъ пожара, а отъ бури.

Das volk stand auf,
Der sturm brach los.

Послѣ побѣдоносной революціи частное право общества остается неприкосновеннымъ, всѣ же законы публичнаго права ниспровергнуты или сохраняютъ только временное значеніе и приходится создавать новые законы.

Теперь является слѣдовательно необходимость создать новую писанную конституцію и вотъ самъ король созываетъ въ Берлинѣ національное собраніе, чтобы выработать, какъ повелѣно было сперва, новую писанную конституцію, или, какъ повелѣно было затѣмъ, чтобы условиться съ нимъ насчетъ ея.

Что же требуется хорошей и жизненной писанной конституціи?

Требуется, какъ это теперь уже вполне выяснено нашимъ изслѣдованіемъ, чтобы она, писанная конституція, соотвѣтствовала дѣйствительной конституціи, реальнымъ отношеніямъ силы данной страны. Коль скоро писанная конституція не соотвѣтствуетъ дѣйствительной, между ними происходитъ конфликтъ,

котораго ничѣмъ не предупредишь и въ которомъ неизбежно надолго писанная конституція, листокъ бумаги, побѣждается дѣйствительной конституціей, фактическими отношеніями силы страны въ данный моментъ.

Какъ же слѣдовало тогда поступить?

Слѣдовало создать прежде всего не писанную конституцію, а конституцію дѣйствительную, т. е. измѣнить существовавшія въ странѣ реальныя отношенія силы, измѣнить ихъ въ пользу гражданъ.

Правда, 18 марта вполне доказало, что сила націи теперь уже во всякомъ случаѣ превосходитъ силу арміи. Послѣ продолжительнаго и кроваваго боя войска вынуждены были отступить.

Но я уже раньше обращалъ ваше вниманіе на существенное отличіе силы націи отъ силы постоянной арміи, благодаря которому сила арміи въ теченіе долгаго времени успѣшно борется съ значительно превосходящей ее силой націи.

Отличіе это, Вы, конечно, помните, заключается въ томъ, что сила націи не организована, тогда какъ сила постоянной арміи организована, готова въ каждый данный моментъ возобновить бой и потому должна съ теченіемъ времени оказаться болѣе стойкой и удержать за собою поле битвы въ борьбѣ съ превосходящей ее, но неорганизованной силой націи, сплывающейся только въ рѣдкіе моменты чрезвычайнаго возбужденія.

Слѣдовательно, для того, чтобы одержанная 18 марта побѣда не осталась въ силу необходимости безрезультатной для народа, слѣдовало воспользоваться этимъ побѣдоноснымъ моментомъ для преобразованія организованной постоянной арміи.

Слѣдовало напр. ограничить срокъ службы солдата 6 мѣсяцами. Срокъ этотъ съ одной стороны совершенно достаточенъ даже по мнѣнію величайшихъ военныхъ авторитетовъ для того, чтобы вполне обучить солдата военному искусству, съ другой же—онъ слишкомъ кратокъ для того, чтобы привить ему ка-

стовый духъ; обусловленная же этой краткостью необходимость постоянно обновлять составъ арміи людьми изъ народа превращаетъ ее изъ войска государя въ народное войско.

Далѣе слѣдовало установить, что за всѣ проступки, кромѣ спеціально воинскихъ, военные судятся въ обыкновенномъ гражданскомъ судѣ, это приучило бы армію смотрѣть на себя, какъ на нѣчто общее съ народомъ, а не обособленное, какую-то особую касту.

Далѣе слѣдовало все вооруженіе, пушки—что въ сущности должно служить только для защиты страны—за исключеніемъ совершенно необходимаго для военныхъ упражненій, сдать на храненіе городскимъ властямъ, избираемымъ народомъ. Часть этой артиллеріи слѣдовало употребить на образованіе артиллерійскихъ отрядовъ гражданского ополченія, чтобы такимъ образомъ предоставить народу пушки, эту столь значительную часть конституціи.

Ни одна изъ этихъ мѣръ не была осуществлена весной и лѣтомъ 1848 г., а потому можно ли удивляться, что въ ноябрѣ мартовская революція была обращена вспять и осталась безплодной. Конечно, нѣтъ. Реакція явилась необходимымъ слѣдствіемъ того, что въ реальныхъ фактическихъ отношеніяхъ силы не было произведено никакого измѣненія.

Государю, господа, служить гораздо лучше чѣмъ вамъ. Слуги государя не краснобаи, какъ это слишкомъ часто бываетъ со слугами народа. Это люди практичные, инстинктивно понимающіе, въ чемъ суть. Господинъ фонъ Мантейфейль былъ совсѣмъ плохимъ ораторомъ; но это былъ практичный человѣкъ! Разогнавъ въ ноябрѣ 1848 года народное собраніе и выставивъ на улицахъ пушки, за что принялся онъ прежде всего? Не строчить ли реакціонную конституцію. Какъ бы не такъ! Онъ прекрасно зналъ, что это онъ всегда успѣетъ сдѣлать. Въ декабрѣ 1848 года.

онъ даже самъ Вамъ далъ довольно либеральную, писанную конституцію. Съ чего же началъ онъ въ ноябрѣ? Что предпринялъ онъ прежде всего? О, вы, конечно, помните: онъ началъ съ разоруженія гражданъ. Видите, господа, побѣдитель долженъ начать съ разоруженія побѣжденнаго, разъ только онъ не хочетъ, чтобы борьба не возобновилась въ любой моментъ.

Въ началѣ нашего изслѣдованія, господа, мы подвигались очень медленно, потому что мы искали прежде всего сущности конституціи. Быть можетъ тогда казалось, что мы слишкомъ медленно подвигаемся. Но за то вы видѣли, что, какъ только усвоили себѣ эту сущность, передъ нами послѣдовательно развернулся цѣлый рядъ поразительнѣйшихъ выводовъ и теперь мы знаемъ этотъ предметъ гораздо лучше, глубже и представляемъ себѣ его гораздо яснѣ другихъ, мало того, мы пришли (относительно даннаго предмета) къ выводамъ въ большинствѣ случаевъ прямо противоположнымъ господствующимъ въ обществѣ.

Разсмотримъ вкратцѣ еще нѣсколько такихъ выводовъ.

Я только что замѣтилъ, что въ 1848 году не было принято ни одной необходимой мѣры для измѣненія существовавшихъ въ странѣ фактическихъ отношеній силы, для превращенія арміи въ армію народа.

Было, впрочемъ, сдѣлано одно предложеніе, преслѣдовавшее эту цѣль, и представлявшее первый шагъ по этому пути, а именно предложеніе Штейна заставить министерство издать приказъ по арміи. Этимъ приказомъ имѣли въ виду заставить всѣхъ реакціонныхъ офицеровъ выйти изъ рядовъ арміи.

Но вы помните, господа, что едва Берлинское національное собраніе приняло это предложеніе, какъ вся буржуазія и половина страны подняли крикъ: „національное собраніе должно вырабатывать конституцію, а не разбирать дразги министерствъ, не должно тратить время на понуканія, не должно вмѣшиваться въ дѣла исполнительной власти, вырабатывайте кон-

ституцію, только конституцію вырабатывайте“, кричали они, точно на пожаръ.

Вы видите теперь, господа, что вся буржуазія, цѣлая половина страны, кричавшая это, не имѣла ни малѣйшаго понятія о конституціи!

Выработка писанной конституціи была самымъ неважнымъ дѣломъ; это можно было сдѣлать, въ случаѣ необходимости, въ трое сутокъ; это было послѣднее о чемъ слѣдовало думать, выполненное же преждевременно, оно было совершенно бесполезно.

Преобразовать дѣйствительныя фактическія отношенія силы, вмѣшаться въ сферу исполнительной власти, такъ вмѣшаться, такъ фактически преобразовать эту власть, чтобы она уже никогда не могла самостоятельно противостать волѣ націи,—вотъ въ чемъ заключалась тогда вся суть и что должно было предшествовать, чтобы писанная конституція могла быть прочной.

Такъ какъ этого не успѣли выполнить, то національному собранію не дали времени выработать конституцію, его прогнали прочь несокрушеннымъ орудіемъ силы исполнительной власти.

Второй выводъ: допустите, что національное собраніе не прогнали и что ему удалось выработать и дать конституцію.

Измѣнился ли бы существенно ходъ событій?

Нисколько. И это, господа, вполне подтверждается фактами. Хотя національное собраніе было изгнано, но король по оставленнымъ собраніемъ документамъ сочинилъ и провозгласилъ 5 декабря конституцію въ главныхъ своихъ пунктахъ совершенно такую же, какую мы могли ждать отъ національнаго собранія.

Эта конституція не была королю навязана, а имъ самимъ провозглашена, имъ самимъ, какъ побѣдителемъ, дана. При такихъ условіяхъ казалось бы, можно было вполне разсчитывать на ея прочность.

Но нѣтъ, господа! Это совершенно не мыслимо. Если вы на яблонѣ въ своемъ саду повѣсите ярлы-

чекъ съ надписью: это есть фи́га—превратится ли благодаря этому ваша яблоня въ фиговое дерево? Конечно нѣтъ, и хотя бы всѣ ваши домочадцы, больше того, всѣ жители околотка, собравшись вокругъ этого дерева, громогласно и торжественно присягнули, что это фиговое дерево, все же отъ этого дерево не перестанетъ быть самимъ собою и въ ближайшемъ году это вполне подтвердится, когда на немъ вырастутъ яблоки, а не фиги.

То же, какъ вы видѣли, и съ конституціей. Безразлично, что написать на бумагѣ, разъ только написанное противорѣчитъ реальному положенію вещей, фактическимъ отношеніямъ силы.

Король на бумагѣ 5 декабря 1848 г. многое добровольно уступилъ, но все это многое противорѣчило дѣйствительной конституціи, реальнымъ фактическимъ отношеніямъ силы, которую король удержалъ въ своихъ неослабныхъ рукахъ. Поэтому дѣйствительная конституція точно въ силу закона тяготѣнія должна была постепенно пробиться сквозь писанную конституцію.

Такъ, не смотря на то, что конституція 5 декабря была принята ревизіоннымъ собраніемъ, король все же долженъ былъ произвести въ ней первое измѣненіе: ввести жалованный трехклассный избирательный законъ 1849 года. Съ помощью же палатъ, созданныхъ этимъ избирательнымъ закономъ, были произведены въ конституціи дальнѣйшія существеннѣйшія перемѣлки, пока въ 1850 г. король не присягнулъ ей, а какъ только, присягнулъ, такъ тутъ то и началось настоящее перекраиваніе! Начиная съ 1850 года, каждый годъ ознаменовывался подобными перекраиваніями. Любое знамя, перебивавшее въ ста сраженіяхъ менѣе ободрано и протыкано, чѣмъ наша конституція!

Третій выводъ. Вамъ извѣстно господа, что въ нашемъ городѣ существуетъ партія, органомъ которой является „Народная Газета“, партія говорю я, которая съ лихорадочнымъ трепетомъ цѣпляется за этотъ

обрывокъ знамени, за эту искалѣченную конституцію, партія именующая себя по этому „приверженцами конституции“ и избравшая своимъ боевымъ кличемъ вопль: „будемъ держаться конституции, караулъ, спасите, пожаръ, пожаръ!“

Господа, когда вамъ приходится встрѣчаться, все равно гдѣ и когда, съ партіей, издающей на подобіе боеваго клича трепетный вопль: „держаться конституции“, на какія мысли наводитъ васъ это явленіе, господа! Я спрашиваю васъ, господа, не о вашемъ намѣреніи, я спрашиваю васъ не о вашемъ желаніи. Нѣтъ я интересуюсь исключительно вашими мыслями: каково Ваше заключеніе о подобномъ явленіи?

Не будучи вовсе пророками, вы съ полной увѣренностью скажете при этомъ: эта конституція находится при послѣднемъ издыханіи, она уже почти трупъ, еще нѣсколько лѣтъ, и ея не будетъ.

Это вполне понятно. Когда писанная конституція соотвѣтствуетъ существующимъ въ странѣ фактическимъ отношеніямъ силы, не слышно подобныхъ воплей. Передъ такой конституціей каждый почтительно останавливается въ трехъ шагахъ отъ нея и ближе подойти къ ней не рѣшается. Вступить въ борьбу съ такой конституціей никому и въ голову не прійдетъ, и сильно поплатился бы всякій, кто на это рѣшился бы. Тамъ, гдѣ писанная конституція соотвѣтствуетъ реальнымъ фактическимъ отношеніямъ, тамъ ни одна партія, конечно, не изберетъ особымъ боевымъ кличемъ: „держаться конституции“. Гдѣ же подобный кличъ раздастся, то онъ уже самъ служитъ вѣрнымъ и краснорѣчивымъ признакомъ того, что это вопль страха; другими словами, онъ доказываетъ, что въ писанной конституции имѣется нѣчто, противорѣчащее дѣйствительной конституции, фактическимъ отношеніямъ силы. А гдѣ только подобное противорѣчіе существуетъ, тамъ писанная конституція неминуемо обречена на гибель, и никакой Богъ, никакіе вопли ее не спасутъ!

Она можетъ измѣниться либо вправо, либо влѣво, но уцѣлѣть не можетъ. Это вполне доказываетъ вся-

кому здравомыслящему человѣку самый вопль о спасеніи ея. Она можетъ измѣниться вправо, если измѣненіе предприметъ правительство, чтобы согласовать писанную конституцію съ фактическими отношеніями организованной силы въ обществѣ. Или же выступить неорганизованная сила общества и снова докажетъ свое превосходство надъ организованной силой! Въ первомъ случаѣ конституція будетъ измѣнена вправо, во второмъ—влѣво и отмѣнена; но во всякомъ случаѣ ей спасенія нѣтъ!

Если вы, господа, не только запомните и тщательно обдумаете лекцію, которую я имѣлъ честь прочесть вамъ, но сдѣлаете и всѣ вытекающіе изъ нея выводы, то усвоите себѣ все конституціонное искусство, всю конституціонную мудрость. Конституціонныя вопросы прежде всего вопросы силы, а не права; дѣйствительная конституція страны заключается лишь въ существующихъ въ странѣ реальныхъ фактическихъ отношеніяхъ силы; писанныя конституціи тогда только имѣютъ значеніе и обладаютъ жизненностью, когда они являются точнымъ выраженіемъ дѣйствительныхъ отношеній силы общества—вотъ принципы, которые сегодня я выяснилъ вамъ, освѣтивъ ихъ только со стороны военной силы, во-первыхъ, потому что время не позволяло мнѣ разсмотрѣть другія стороны, а во-вторыхъ, потому что войско является самой рѣшающей и самой важной изъ организованныхъ силъ. Но вы сами понимаете, что все мною изложенное вполне примѣнимо къ организаціямъ магистратуры, администраціи и т. д.—все это также организованныя силы общества. Запомните, господа эту лекцію, чтобы знать, если когда нибудь снова получите возможность вырабатывать себѣ конституцію, какъ слѣдуетъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ, знать, что дѣло дѣлается не исписываніемъ листа бумаги, а измѣненіемъ фактическихъ отношеній силы.

Пока же, благодаря этой лекціи, вы и сами, господа, безъ, малѣйшаго съ моей стороны указанія, пой-

мете, какими потребностями вызываются нынѣшнія военныя реформы, предлагаемая правительствомъ, поймете требованіе правительства увеличить армію.

Господа! слуги монархіи люди практичныя, не краснобай, и такихъ практичныхъ людей позвольте пожелать и вамъ.

